

ВЗЫСКАВШИЕ ГРАДА

Дух правилом келейным оживить...

Сегодня краеведческие исследования переживают настоящий бум, вызванный стремительным распространением Всемирной электронной паутины. Поисквые машины, умнеющие день ото дня и уже улавливающие контекст, за несколько секунд развернут перед тобой ворох источников. Копайся, сколь душе угодно! Ограничивающим элементом в цепочке осмысления истории сегодня неожиданно стал колоссальный объем оцифрованных архивов, причем попутно выяснилось, что со множеством интереснейших архивов вообще никто не работает. То ли слишком затратное это дело, то ли душа и память ленятся...

Упоминаемым в этой книжке М.М. Пришвину и О. Полю повезло – любящее сердце Валерии Дмитриевны дало ей силы для многолетнего упорного труда: разбирать черновые рукописи, перепечатывать на машинке в нескольких экземплярах, раздавать по знакомым и прятать в разных местах до лучших времен. Воспоминания самой В.Д. Пришвиной опубликованы в 2003 году, а сегодня заканчивается публикация 18-го, последнего тома дневников Михаила Михайловича, за которым уже выстроились в очередь иностранные издатели. Оцифрован архив журнала «Путь», издававшегося в Париже под редакцией Н.А. Бердяева, где напечатаны главы из философских работ, посвященных религиозным основам политической экономии, автором которых предположительно является Олег Польш. Появляется возможность прояснить недостающие фрагменты этой мозаики прошлых лет, интерес к которой многократно вырос в наши дни.

Только слепой не видит исторического дежавю, когда, пройдя вековой круг, мы снова – на той же развилке, словно получившие право на второй круг.

Помню, как заколотилось мое сердце, когда я получил от Лилии Александровны Рязановой, литературной наследницы Валерии Дмитриевны, еще нигде не опубликованную электронную редакцию рукописи философской работы Олега Поля «Остров Достоверности». Конечно, я не рассчитывал на откровение, поскольку мало что смыслю в профессиональных философских построениях, однако предчувствие меня не обмануло. Хорошо, что это была рукопись, где переписчик заботливо сохранил и рукописные пометки самой Валерии Дмитриевны по тексту Олега. В частности, ее ревнивая пометка «хватит об Эрне» в одной из первых глав, где конспективно излагаются основания русской религиозно-философской мысли начала XX века, однозначно указывала на Владимира Францевича Эрна как на одного из кумиров Олега.

Моя рука мистическим образом набрала фамилию Эрн в строчке поисковика, где остался предыдущий запрос о Красной Поляне, и ... Раньше о таких событиях писали: «Конец кирки звякнул, наткнувшись на что-то твердое...» У меня же на экран высыпалось:

«Летом 1916 года мы наняли вместе с Эрнами дачу в Красной Поляне – несколько десятков верст к югу от Гагр. Это был греческий поселок с несколькими дачами, построенными группой профессоров из разных университетов. Красная Поляна лежала в глубине небольшой равнины среди высоких горных стен, поросших почти непроходимыми зарослями густого леса. Среди них находились одичалые сливы, яблони, груши и черешни. На стволах – глу-

бокие раны от когтей медведей, карабкавшихся за вкусными плодами и диким медом. Плоды были очень мелкие, но очень сладкие, и при нужде можно было бы не умереть с голода, целый год живя в лесу.

– Мама, мама! Иди скорей сюда. Тут четыре медвежонка. Они играют, – кричит Дима.

Они с няней отправились, как всегда, на лужайку над нашей дачей.

Протестующего Диму с няней скорей забрали домой: не дай Бог, придет мать медвежат, испугается и бросится на защиту детей. Медведей в Красной Поляне очень много. Медведь, однако, там не опасный. Он бурый, небольшой и вегетарианец. Только не нужно его пугать. Однажды монашек, еще молодой, о. Маркел, со своей котомкой спускался по тропинке к речке; вдруг с той стороны русла ему навстречу медведь; о. Маркел так испугался, что, сам не зная, что делает, сел на землю, закрыл глаза и начал твердить молитву. Медведь удивился, остановился, постоял, затем повернулся, поднялся обратно по тропинке, которой пришел, и исчез».

Это были страницы из книги «Воспоминания. Книга об отце» Лидии Ивановой, дочери замечательного поэта-символиста, литературного критика, теоретика искусства Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949).

Книга была опубликована в России только в 1992 году, как и многое другое, ожидавшее долгие годы своего часа, но мистическим образом повторно погребенное под завалами уже новой социально-политической катастрофы в России. Повторно, поскольку о том, что Вяч. Иванов, В.Ф. Эрн (1882–1917) и Н.В. Недоброво (1882–1919 гг., поэт, критик, литературный «духовник» А. Ахматовой) все лето 1916 года провели в Красной Поляне, практически никому не известно, как и то, что послужило тому причиной.

В те годы Красная Поляна вовсе не была комфортабельным курортом – никаких гостиниц, никаких ресторанов, только несколько домов грече-

ской общины, не так давно переселившейся в эти места из Османской империи, несколько частных дач да дом Крымско-Кавказского горного клуба, проводившего короткие походы на Ачишхо. Даже в двухдневных туристических маршрутах из Сочи и Адлера на дилижансах объектом любования считалась только сама дорога по красивейшему ущелью Ахцу. Натерпевшись страха при движении по карнизу, вырубленному в отвесной скале, над шумевшей далеко внизу рекой Мзымтой, путешественники в тот же день или на завтра возвращались на благоустроенное побережье.

Вот что сообщает в своих воспоминаниях о краснополянском лете 1916 года Лидия Иванова, бывшая в то время девушкой 20 лет:

«В монастыре на Афоне среди русских монахов завелась группа пустынников, учивших о божественной силе имени Иисусова. Они были известны под названием “имяславцы”. Почему-то это учение не понравилось русскому правительству. Святейший Синод заявил, что это ересь, и имяславцы были изгнаны с Афона. Они рассеялись по разным краям, ища себе убежища. Некоторые из них попали в Красную Поляну и стали жить в лесах отшельниками. Они располагались за много верст один от другого и зимой были абсолютно лишены какого-либо общения с людьми, отделенные от них глубокими и непреодолимыми снегами. Летом же посредником меж ними служил о. Маркел. Он им носил провизию для зимы – муку, крупу, свечи, спички. Деньги о. Маркел добывал продажей мелких деревянных изделий – ложек, блюдец, разрезных ножей, которые пустынники вырезали из красивого белого дерева, напоминающего слоновую кость и прозванного в этих местах “кавказской пальмой”».

Движение имяславцев крайне важно для нашего повествования, поэтому заключительная глава целиком будет ему посвящена, тем более что история эта далеко не закончена и даже ждет своей официальной переоценки Священным Синодом Русской

Православной Церкви. Переоценки, поскольку в далеком 1914 году Святейший Правительствующий Синод уже выносил решение по этому вопросу, которое устроило далеко не всех и спровоцировало целый ряд публицистических и философских работ. В частности, В.Ф. Эрн написал целый трактат «Разбор послания Святейшего Синода об Имени Божием», вышедший в Москве отдельной брошюрой в 1917 году.

Видимо, именно Эрн был инициатором этого летнего пребывания в Красной Поляне, где жаждал узнать (скорее погрузиться в) нечто Несказа'нное, передающееся из уст в уста и познаваемое только через молитвенную практику, объединяющую тело, ум и чувства. Это было как предчувствие Логоса вместо убогого Рацио (основная парадигма западной философии Нового времени), о котором он так блестяще написал в своей книге «Борьба за Логос» (1911) и вдохновил тем самым Олега Поля на подвижничество.

«Эрн чтит этих пустынников и каким-то образом сумел посещать их. Он даже однажды добился от одного из них согласия покинуть на несколько часов свою келью и почтить его и Вячеслава своим посещением. Вячеслав был очень заинтересован и обрадован таким редким и почтенным гостем. Они закрылись втроем в комнате, и между ними состоялась долгая, оживленная и интимная беседа».

Пока мне мало что известно о пребывании этих трех незаурядных деятелей нашей культуры в Красной Поляне в то последнее, относительно спокойное лето 1916 года. Осенью они разъедутся. Вяч. Иванов останется на зиму подлечиться в Мацесте, а его дети вернутся с Эрнами в Москву, где следующей весной Владимир Францевич умрет от нефрита. Еще через год в Крыму скончается и Н.В. Недоброво, так и не сумевший вылечить свою чахотку под южным солнцем.

В тексте воспоминаний Лидии Ивановой можно еще найти строчки, рассказывающие о разочаровании отца от встреч с «малограмотны-

ми монахами». Видимо, для него, получившего образование в Германии, прожившего десятилетия в европейских городах и посвятившего большую часть своего времени изучению западной литературы и истории, все это было скучно и не особенно привлекательно. При сравнительном изучении культур всегда есть риск превратиться в «независимого субъекта», потерявшего ориентацию между добром и злом вследствие отрыва от родной почвы. Впрочем, все мы часто предпочитаем послушать лекцию о Царствии Божием вместо вхождения в Него, поскольку последнее предполагает внутреннюю решимость распрощаться с собственными грехами.

В 1925 году Вяч. Иванов навсегда покинет Россию, поселится в Италии, перейдет в католичество, будет преподавать и писать свои малоизвестные непосвященным стихи, в том числе и на старинных латинских диалектах. По сей день в Риме действует культурный центр, посвященный Вяч. Иванову, который открыли благодарные итальянцы, умеющие ценить художественный дар и научный гений. Именно на сайт этого центра я наткнулся в поисках материалов по истории Красной Поляны и пришел в восхищение от того, с каким тщанием там размещены даже оборванные кусочки бумаги из архива нашего знаменитого литератора.

О том лете, проведенном в Красной Поляне, Вяч. Иванов написал в своей неоконченной поэме «Деревья» (1920):

VIII

**И первую мне Красная Поляна,
Затворница, являет лес чинар,
И диких груш, и дуба, и каштана
Меж горных глав и снеговых тиар,
Медведь бредет, и сеть плетет лиана
В избыточной глуши. Стремится яр,
С дубравных круч гремит поток студень
И тесноты пугается зеленой.**

В памяти поэта звучит прежде всего тоска о без-
временно ушедшем друге В.Ф. Эрне, одновременно
позволяя нам отыскать ответ на вопрос — с какой
целью они уединились на целое лето в этой глуши:

IX

Не минуло трех весен, а тебя,
Вожатый мой в тайник живой Природы,
Уж нет меж нас, дух орлий! Возлюбя
И дебри те, и ключевые воды,
Меня ты звал, мгновений не дробя,
Замкнуться там на остальные годы,
Дух правилом келейным оживить
И, как орля, мощь крыльев обновить.

X

Орешники я помню вековые,
Под коими мечтательный приют
Мы вам нашли, Пенаты домовые,
Где творческий мы возделали труд
С молитвенным соединить впервые;
И верилось: к нам общины придут,
И расцветут пустынным крином действия
В обители духовного семейства.

XI

Владимир Эрн, Франциска сын, — аминь!
Ты не вотще прошел в моей судьбине.
Друг, был твой взор такую далью синь,
Свет внутренний мерцал в прозрачной глине
Так явственно, что ужасом святынь,
Чей редко луч сквозит в земной долине,
Я трепетал в близи твоей не раз
И слезы лил внезапные из глаз.

Вот, собственно, и исчерпывающий ответ на во-
прос о цели пребывания в Красной Поляне: «...дух
правилом келейным оживить...», жить общиною,
сочетать творческий труд с молитвенными практи-
ками. В этих строках отражены основные импера-
тивы русской религиозно-философской мысли тех
лет, блестяще сформулированные В. Ф. Эрном как
Логизм.

Логизм, в отличие от Рацио, стремится не изу-
чать Истину как предмет, не пытается ее понять, а
помогает философу пребывать в «Истине-бытии»
и умом, и телом, и чувствами. Отсюда стремление
сочетать мыслительный процесс с ритуальными об-
рядами и телесными практиками, с выбором (орга-
низацией) окружающего ландшафта и интерьера, с
молитвами и постами.

Как тут не добавить — и с организацией обще-
ственной жизни, в частности, с хозяйственной
практикой, на что мечтательно указывает сам автор:
«...к нам общины придут, и расцветут пустынным
крином действия в обители духовного семейства».
Как обычно, Вячеслава Иванова необходимо ком-
ментировать, поскольку не всем известен смысл
используемых символов. В частности, крин — это
устаревшее название лилии, трехлепестковое изо-
бражение которой с античных времен было сим-
волом развития, расцвета. Используется и сегодня
для оформления декоративных границ и орнамен-
тов на всем — от книг до посуды. Однако в данном
конкретном контексте это, безусловно, выражение
главной мечты «взыскующих Града» — о духовном
основании общественного развития.

Думаю, что не случайно в моих краеведческих
копаниях возникло это имя — Владимир Эрн.
Слишком велико было влияние блестящей троицы
из 2-й Тифлисской гимназии на тогдашнее россий-
ское общество, очень заметный след оставили они
в сознании многих и многих. Поэтому не могу хотя
бы кратко не рассказать и о двух других.

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) —
один из самых блистательных умов России пер-
вой трети XX века. Ученый, богослов, философ, он
пользовался огромной популярностью, особенно у
молодежи. Про него шутили, что он может прийти
в любой институт, на любой факультет, зайти в лю-
бую аудиторию и продолжить лекцию с того места,
где остановился штатный лектор. Его особенная
популярность во многом была связана с опубли-
кованной магистерской диссертацией по богосло-

вию «Столп и утверждение истины», содержащей многие ответы на актуальные мировоззренческие вопросы того времени. Заметим, что в Московскую Духовную Академию он поступил после окончания физико-математического отделения Московского университета, что, безусловно, позволило ему говорить с читателями языком строгой логики, с привлечением обширной доказательной базы из мировой сокровищницы богословского и философского знания.

Почти в каждой книге воспоминаний его современников из образованной части общества мы находим записи о штудировании этого достаточно не простого философско-богословского труда. Тем не менее брожение умов в тогдашней противоречивой жизни заставляло, порой мучительно, искать ответы на непростые вопросы: если царя долой, то кто будет страдать и думать за отчизну на сто лет вперед? Эти сменные господа из Государственной Думы, что ли? Чем владелец завода, капиталист, лучше помещика? Почему от одних разговоров о свободе начинают пылать помещичьи усадьбы? Если оковы снять, то кто вырвется на свободу? Почему Святейший Синод не осудил расстрелы рабочих-демонстрантов?

На этом фоне неординарные рассуждения о Павла Флоренского о сложном и многозначном смысловом содержании самого слова «истина» были необходимым следующим шагом для формирования более глубокого мировоззрения, чем необходимо в спокойные времена. Философ-богослов учил о высшей Духовной Истине, которая доступна для созерцания только в Царствии Небесном, а в нашей земной жизни мы окружены роем частных, часто противоречивых истин, которые никак не удастся рационально-логически упорядочить. Более того, на интеллектуальном уровне даже представить себе сложно, каким образом можно упорядочить этот клубок самых противоречивых суждений.

На самом деле это вовсе не истины, а частные суждения об истине, всегда искаженные (еще со вре-

мен грехопадения Адама) нашими собственными заблуждениями. Заблуждениями, зачастую просто прикрывающими — от себя и от других — эгоистический характер наших мотивов и личную гордыню, как источник наших принципов и убеждений. Этим самым о. Павел определял направление для всех ищущих истину: путь духовного очищения через добровольную аскезу, молитвенную практику и деятельное подвижничество в соответствии с кажущимися нам парадоксальными христианскими догматами.

В частности, Павел Флоренский указывал, что поиск Духовной Истины не является чисто интеллектуальным занятием, в этом процессе разуму отводится равная, а не доминирующая роль в познании, наряду с душевными, сердечными, чувственными, а порой и трансцендентными (минуя сознание) усилиями. Павел Александрович особенно выделял сферу сверхлогического, находящуюся между рационально-логическим мирской жизни и Царствием Небесным, где почиает Духовная Истина, где доступны созерцанию идеальные сущности всего, задуманного Творцом. Именно через эту промежуточную область сверхлогического лежит наш путь к Духовной Истине, однако в ней менее всего нам требуются слова, тексты или логика.

Здесь мир молчания, здесь царствуют образы и мифы, обряды и таинства, здесь от нашего Я требуется преодолеть ограниченность рассудка, совершить поступок — подвиг веры и получить, тем самым, новый духовный опыт. Например, покаяться перед ближним за собственный грех или найти в себе силы «обличить брата» за несправедный поступок, поскольку обманываться такой же грех, как и обманывать. То, как ты это сделаешь, какие найдешь нужные слова, чтобы не вылезла собственная гордыня, а вылившаяся любовь погасила агрессию, — это и будет твоим новым знанием. Знанием сердца и души, трудно формулируемым словами, а потому передаваемым не вербально, больше

собственным примером, чем набором самых замечательных поучений.

Дам слово самому отцу Павлу, описавшему в книге «Столп и утверждение истины» переживания человека, находящегося в начале пути поиска и следования Духовной Истине, поскольку его удивительный стиль письма неповторимо соединяет логику и чувство в нечто единое, проникающее необыкновенно глубоко внутрь тебя:

«Человек мыслящий уже понял, что на этом берегу у него нет ничего. Но ведь ступить на мост и пойти по нему — нужно усилие, нужна затрата силы. А вдруг эта затрата ни к чему? Не лучше ли быть в предсмертных корчах тут же, у моста? Или идти по мосту, — может быть, вечно ожидая другого края. Что лучше: вечно умирать — ввиду, быть может, обетованной страны — замерзнуть в ледяном холоде абсолютного ничто и гореть в вечной огнелице пирронической **(Пиррон (360–275 до н. э.) — древнегреческий философ; εποχή (Εποχή (греч. ἐποχή) — воздерживаться от утверждения (Истины), т. е. бесконечно метаться в сомнениях. — Прим. ред.);** или истощать последние усилия, быть может ради химеры, ради миража, который будет удаляться по мере того, как путник делает усилие приблизиться? — Я остаюсь, я остаюсь здесь. Но мучительная тоска и внезапная надежда не дают даже издыхать спокойно. Тогда я вскакиваю и бегу стремительно. Но холод столь же внезапного отчаяния подкашивает ноги, бесконечный страх овладевает душою. Я бегу, я стремительно бегу назад.

Идти и не идти, искать и не искать, надеяться и отчаиваться, бояться истратить последние силы, и из-за этой боязни, тратить их вдесятеро, бегая взад и вперед. Где выход? Где прибежище? К кому кинуться за помощью? “Господи, Господи, если Ты существуешь, помоги безумной душе, Сам приди, Сам приведи меня к себе! Хочу ли я, или не хочу, спаси меня. Как можешь и как знаешь, дай мне увидеть Тебя. Силою и страданиями привлеки меня!”».

За подобные тексты о. Павел многократно под-

вергался критике со стороны приверженцев абсолютного разделения знания и веры, что и сегодня составляет парадигму секулярного общественного сознания. Однако так ли это правильно, особенно для гуманитарных дисциплин? Не приводит ли это к необходимости закладывать в их фундамент вместо религиозных догматов какую-либо материалистическую гипотезу, претендующую на научность, вроде теории эволюции?

Вошедшие в этот сверхлогичный мир Отцы Церкви и молитвенные подвижники свидетельствовали, например, о триединстве Любви, Красоты и Истины, тогда как привычное рации и сегодня определяет их как просто несвязанный набор ценностей. Однако не кроется ли за этой простотой желание замутить истинную картину мира? Когда отношения Я и Ты наполнены Любовью, Третий воспринимает это как Прекрасное, и все Трое созерцают и свидетельствуют Истину. Сюда уже не втиснуться с блудной улыбкой Моне Лизе, косящей под Богородицу и собирающей миллионы зрителей, сбитых с толку рассуждениями ангажированных критиков от искусства о «загадочности», — писал о. Павел еще сто лет назад.

А насколько плодотворным является учение о «нераздельной неслиянной» Святой Троице как о духовном антипode мертвой диалектической конструкции? Как просто формальным логикам объявить Бога ответственным за мировое зло и не дать, тем самым, человеку увидеть фигуру Спасителя во всем его глубинном смысле?

Содержащаяся в этих, казалось бы, отвлеченных построениях очевидная парадигма веры как высшей формы познания, как способа увидеть замысел Создателя обо всех нас — все это универсальный ключ к пониманию всего и на все времена. В свете этого знания ты уже не попадаешь в тупик в попытках осмысления движения имяславцев или перехода к пустынножительству молодого философа, тебе становится совершенно очевидным приоритет соборности — единства во Христе православных душ

– высшей формы принятия важнейших решений.

Говоря сегодняшним утилитарным языком, речь идет, в том числе, и о личной психогигиене, позволяющей жить в чистоте и ясно видеть этот мир, посредством исполнения определенной системы правил и предписаний, включающей молитвы и посты, участие в литургии и принятии таинств, а также изучение Евангелия и творений Отцов Церкви. Это, конечно, не залог, но необходимое условие того, что в критический момент, в каждое мгновение «здесь и сейчас», ты сделаешь правильный выбор, просто не увидишь гибельных ответвлений от своего пути, обойдешь притаившееся зло или не дашь волю разрушительным помыслам.

Читая работы отца Павла Флоренского, никак не могу отделаться от мысли, что огромный поток западных теорий, философских построений и психологических практик, хлынувший в нашу страну с падением «железного занавеса», напоминает мне поток высохших скелетов, жалких подобию тех грандиозных открытий и гениальных прозрений русской религиозно-философской мысли начала XX века. Насколько богаче и плодотворнее учение о необходимости находиться в Истине, а не слушать лекции о ней, по сравнению с двусмысленными императивами «быть в реальности здесь и сейчас» всей послевоенной экзистенциальной философии? Задумайтесь глубоко над метафорической платформой учения о Святой Троице, и вы увидите всю пустую схематичность, например, современно-го транзактного анализа Э. Берна.

Эти современные учения, превращенные в психотерапевтические практики или «стратегии личностного роста», конечно, намного лучше монетизируются, поскольку грех всегда хорошо продается, а место Бога там занимает конкретный кумир с почасовой оплатой (психоаналитик, гуру, обремененный степенями ученый или популярный блогер). Более того, основной пафос многих подобных учений состоит в утверждении собственного Я и в желании получить превосходство над другими.

С учетом ментальных особенностей нашего русского социального поля это прямая дорога в изгой, в маргинальные группы, которые заканчивают, как правило, совместными камланиями под парами ядовитой дури.

Отец Павел Флоренский после революции успеет еще опубликовать несколько выдающихся исследований, однако от глобальных потрясений, постигших Россию, укрыться было невозможно. Большевики поначалу пытались использовать его гениальный ум и огромную популярность. Л. Троцкий регулярно навещал о. Павла в электротехническом институте, куда его определили для разработки технологии производства пластмасс, потребовавшихся в огромных количествах в связи с электрификацией. Однако в работу не вникал, ничем не помогал, а брал о. Павла к себе в открытый автомобиль и разъезжал по Москве, изображая Мефистофеля.

Тем не менее Флоренский блестяще справился с задачей промышленного производства карболита из широко известной медицине карболки. Последующие полвека это был в стране основной пластмассовый материал, из которого изготавливались выключатели, розетки, корпуса счетчиков и пр. На московском заводе «Карболит» и сегодня есть музей о. Павла.

Позже, на фоне развернувшейся борьбы за власть между апологетами коммунизма, Флоренского будут таскать по тюрьмам и лагерям, периодически запихивая во всевозможные шарашки. И везде о. Павел усвершенствует технологию и напишет фундаментальный труд, и по сей день не теряющий своего значения, будь то проблемы строительства на вечной мерзлоте или получение йода из водорослей Белого моря.

Есть ли еще более убедительный пример просветленного верой сознания, расширившего профессиональное видение реальности и усилившего творческую мощь при решении естественнонаучных задач, чем это демонстрировал священник о.

Павел Флоренский? Насколько жалок корыстный индивидуализм по сравнению с этим персонифицированным осознанием своего места в Богочеловеческой картине мира. Как много можно сделать из любви, по совести, из желания исполнить все то, что от тебя ждут другие: близкие и далекие, свои и незнакомые, современники и будущие поколения.

Этой конкуренции большевики вытерпеть не смогли: о. Павла Флоренского расстреляли в 1937 году, поставив тем самым мученическую финальную точку в судьбе, которую он осознанно выбрал.

Александр Владимирович Ельчанинов (1881–1934) – третий участник этой блестящей тройки, совершенно не похож на своих друзей манерой поведения. Существенно стесненный в средствах, он с ранних лет перебивался платными уроками, а в Петербургском университете обучался под обязательства вернуться работать на Кавказ. Он, конечно, принимал активное участие и в создании Христианского Братства Борьбы, и в работе Религиозно-философского общества, однако никогда не пытался эпатировать публику громкими заявлениями, альтернативным взглядом или пламенными призывами. Выполняя многочисленные практические обязанности по организации выступлений, печати просветительской литературы, он вовсе не стремился огорошить публику новыми абстрактными построениями, сдобренными юношеским радикализмом. Он, скорее, был полностью погружен в повседневную жизнь, наблюдал и фиксировал, продолжал учительствовать и в 1914 году стал уже директором гимназии в Тифлисе. В воспоминаниях современников ему неизменно посвящены теплые строки, среди которых обязательно используется слово «лучезарный».

Оказавшись после революционных бурь в эмиграции во Франции, в Ницце, Ельчанинов продолжил свои занятия светской педагогикой, но уже с необходимым дополнением в виде сельскохозяйственных занятий. В 1926 году по настоянию своего духовника о. Сергия Булгакова Александр Влади-

мирович Ельчанинов принимает священнический сан. Последовавший за этим событием период жизни о. Александра был самым плодотворным, словно сама судьба всей предыдущей жизнью готовила его к пастырскому служению.

По своему душевному складу о. Александр был далек от образа богослова-теоретика, аскетическая практика была ему намного ближе. Покаяние, исповедь, причастие – именно из этого арсенала христианских таинств черпал он силы, именно через них ему открывались тайны душевного устройства его многочисленной, большей частью молодежной паствы. Через это он определял темы для своих проповедей, находил нужные слова и точные образы для врачевания душ эмигрантской молодежи, уже успевшей погрузиться в светский, рационалистический мир тогдашней Европы.

В качестве образца творчества о. Александра процитирую одну его замечательную фразу:

«Относительно религиозности Толстого и Руссо дело обстоит так. Религия дело сложное. Вино, например, состоит из воды, спирта, ароматических и красящих веществ и т. д. Так и религия – в ней есть спирт догматов, ароматические вещества культа и обрядов и нравственные правила – вода. Вот Толстой и Руссо одну эту воду и видели».

Как просто, как образно, как доходчиво для огромной массы людей, считающих, что они «живут с Богом в душе» и этого достаточно. Конечно, светская европейская культура впитала в свои моральные кодексы христианскую догматику общезжития, однако быстро потеряла духовные ориентиры. Апологеты христианства всегда утверждали, что Истина во всей своей полноте присутствует только в Церкви – теле Христовом. Говоря современным научным языком, психоделика храмового священнодействия – литургии, исповеди, причастия, равно как и личного подвижничества – молитвы и поста, в совокупности с иерархией священства – все это совершенно необходимые средства поддержания веры – ценностной системы утверждений,

принимаемой без доказательств и оказывающей определяющее влияние на поведение людей. Что уж говорить об участии отдельного человека, скажем, в протестантской или коммунистической стране, которого всего этого лишили с единственной целью — перепрограммировать сознание.

Удивительное дело, о. Александр ничего не писал в эти годы для публикации. Это уже после его скоропостижной кончины в 1934 году в Париже будут составлены его «Записи». Отрывки писем, краткие схемы проповедей, перечни главных мыслей — все, что удалось собрать его наследникам и друзьям в архивах, было опубликовано в книге «Записи», которая регулярно переиздается и сегодня. Есть в этой книге что-то честное и глубокое, такое же фрагментарное, как наша внутренняя картина мира. Возможно, именно эта мозаика нашего мировоззрения с огромным числом пропущенных на поверхности сознания элементов и есть правдивая картина мира, проясняющаяся только с подключением сердца и души, чему, собственно, и способствует книга отца Александра Ельчанинова.

Связанный невидимыми нитями со своими друзьями и единомышленниками, оставшимися в большевистской России, он всей душой соперничал свершавшиеся там трагедии, когда восходили на крест В. Свенцицкий, П. Флоренский и сотни других:

«В нашей эмиграции есть и такая точка зрения, что в России только мрак, кровь и грязь, что искру истины спасла только эмиграция. Психология валягов, ожидающих призвания вернуться и зажечь огонь во мраке. Пока здесь есть такие настроения, мы не смеем вернуться туда, где люди кровью отвечают за свою веру и за все, что мы тут имеем даром и о чем “разговариваем”, но чем мало живем».

Трое выдающихся выпускников 2-й Тифлисской гимназии рано закончили свой земной путь. Да и могло ли быть иначе для людей, достигших высочайшего уровня духовного развития, когда их Родина неотвратимо погружалась в пучину безверия,

со всеми неизбежными последствиями: с братоубийственной войной, с тяжким принудительным трудом, с безграничной жестокостью, в общем, всем тем, что сатана предусмотрительно приготовил для народа, сбившегося с Пути. В наступивших временах мученическая смерть была частым выбором христиан, вошедших в вечность и оставивших нам, тем самым, четкие поведенческие образцы.

С того далекого времени минуло уже почти сто лет, давших, конечно, немало пищи для размышления новым футурье — конструкторам нашего завтра. Возможно, какая-то часть из них не пробежит мимо наследия русской религиозной философии, которое так талантливо приумножила блестящая троица из 2-й Тифлисской гимназии. Тем более что сегодня достаточно очевидно глобальное цивилизационное противоречие этого мира, в основе которого лежит вера — добровольно выбранная каждым народом система ценностей.

В. Ф. Эрн сегодня читают, большей частью, молодые философы, историки русской религиозно-философской мысли начала XX века, что, безусловно, связано с особой картиной мира русской цивилизации, которую так талантливо он, к сожалению, только начал описывать в своих трудах. В творчестве о. Павла Флоренского черпает вдохновение новое, только нарождающееся поколение русских мыслителей, замороженных мистической способностью христианства содействовать познанию природных и общественных закономерностей как замысла Творца об этом мире. Отца Александра Ельчанинова сегодня читают практикующие священники и молодые миссионеры, каждый день сталкивающиеся с представителями поколения, уверенного, что прогресс науки и техники давно отправил на свалку истории все эти церкви, иконы и батюшек с их дремучим суеверием. На самом деле в духовных вопросах этот «прогресс» больше сбивает с толку, формируя ложный стереотип всеобъемлющего превосходства нового над старым, вместо внимательного различения временного и вечного. ■